

Но все же запасы золота не подверглись значительному уменьшению. Уже три раза в течение марта сотрясалась нью-йоркская биржа, напоминая о приближении большой грозы. В эти дни биржа напоминала собой дом для умалишенных. Все виды ценных бумаг одинаково резко падали. Тут не было исключений ни для промышленных акций, ни для облигаций государственных займов.

Биржа тесно связана со всей хозяйственной жизнью Америки. Потрясения на бирже отразились на всем хозяйственном организме страны. Последствием обилия золота явилось увеличение спекуляции земельными участками и лихорадочное развитие строительной деятельности.

Все чаще приходится слышать в Америке, что настроено слишком много домов и сооружений, выпущено слишком много автомобилей и т. п. Желудок рынка не в состоянии переварить избыток предоставленной ему пищи. В результате—автомобильная промышленность начинает показывать падение цифр производства, железнодорожные погрузки падают, земельная горячка остывает. Это положение указывает на накопление товарных запасов на ряду с золотыми.

Надвигается новый кризис в американской промышленности. Американские капиталисты сумеют, конечно, временно преодолеть и этот кризис. Однако, историю обмануть невозможно. Умереть можно не только от худосочия, но и от ожирения.

Золотая петля затягивается все туже.

А. З.

П Е Т Л Я.

Фантастический рассказ *).

I.

14 сентября центральная телефонная станция Нью-Йорка весь день непрерывно и тщетно вызывала один и тот же номер:

— Загородный провод 62-71-23.

Этого номера добивались различные абоненты, начиная с редакций всех нью-йоркских газет и кончая денежным королем, главою финансового концерна мистером Реджинальдом Гаррисоном.

В 4 часа дня позвонила междугородняя станция из Вашингтона и от имени президента потребовала соединения с номером 62-71-23. Телефонист ответил:

— Этот номер не отвечает.

— Передайте профессору Сидней Гревсу, что президент лично вызывает его к телефону для секрет-

*) Называя свой рассказ фантастическим, автор вовсе не намерен сказать этим, что он изображает в нем невероятные события. Даже искусственное золото, на возможности открытия которого построены выводы автора, является, если не вероятностью, то проблемой, занимающей умы многих современных буржуазных химиков. Во избежание недоразумений, автор должен сказать, что тема его повествования вовсе не нова, а заимствована им, так как она трактовалась уже в литературе неоднократно. Автор.

ного разговора важного государственного значения, — прокричал высокий голос личного секретаря президента С.-А. С. Ш.

Телефонист добился соединения с номером 62-71-23. Из загородной дачи профессора ответил женский голос:

— К сожалению, профессор не может подойти к телефону. Он просил передать президенту свои извинения.

Сколько ни добивался телефонист вторичного соединения, ничего не выходило. Номер 62-71-23 снял трубку с телефонного аппарата, не желая разговаривать даже с главой государства.

В этот день нью-йоркская фондовая биржа представляла собою сумасшедший дом. Без всякой причины, на основании только непроверенных, смутных и шатких слухов, скорее похожих на мистификацию, чем на реальность, все ценности прыгали сверху вниз и снизу вверх. К часу дня неожиданно поднялись до невероятного курса акции марганцевого и ртутного трестов, тогда как бумаги других предприятий стоили немногим дороже оберточной бумаги. Курс на золото снизился. Никогда золото не стоило так дешево, как 14 сентября, в час дня, по котировке нью-йоркской фондовой биржи.

В два часа дня лопнуло четыре крупнейших банка в Нью-Йорке и провинциальных штатах. Достопочтенный мистер Эптон Харрас, глава Восточно-промышленного банка, разоренный в течение нескольких часов до нитки, забрался в ванную и повесился на собственных голубых шелковых подтяжках. Перед дверьми его банка произошло столкновение между служащими и огромной толпой клиентов, требовавших выдачи своих вкладов. Отряд конных полисмен-

нов с трудом разогнал оушевавшую толпу, разбившую все окна в банке мистера Эптона Харраса.

Однако утренние, дневные и вечерние газеты точно набрали воды в рот по поводу истинной причины этих событий. Одна вечерняя уличная газетка, попытавшаяся напечатать сенсацию, вызвавшую это волнение, была, вопреки конституции С.-А. С. Ш., конфискована полицией в типографии. Полицейские разбили дубинками стереотип в мельчайшие куски.

Это было не единственным нарушением основных законов С.-А. С. Ш. в этот день. В одиннадцать часов вечера загородная дача профессора Сидней Гревса была окружена полисменами. К воротам дачи подкатил закрытый автомобиль со спущенными занавесками. Человек ненормальной вышины, который, казалось, шагал на ходулях, вышел из автомобиля и направился к под'езду дачи. Такой рост был у единственного человека Соединенных Штатов, у мистера Пири, личного секретаря президента.

Мистер Пири был близорук. Несмотря на выпуклые чечевицы своих круглых очков, он принял даму, сидевшую в кресле и не поднявшуюся ему навстречу, за самого профессора Гревса. Он молча поклонился и подал ей пакет.

— Профессор работает в лаборатории и решительно запретил тревожить его,— сказала дама, возвращая пакет мистеру Пири.

У дамы был почти мужской голос, с твердым металлическим оттенком звука. Он звучал спокойно, но решительно и непреклонно. На ее чистом лбу, между густыми и черными бровями, врезалась глубокая морщинка гнева.

— Мистрисс Гревс,— ответил секретарь, шись в своей ошибке,— я имею приказание вручить

этот пакет лично профессору и немедленно доставить его в Белый Дом, к президенту, хотя бы пришлось употребить силу.

Выдержка покинула мистрисс Гревс. Она вскочила с кресла.

— На основании какого закона вы действуете, мистер?— гневно вскрикнула она.

— В исключительных случаях законы не действуют,— возразил секретарь:— вы сами знаете, о чем идет речь. Мы обыщем весь дом и найдем профессора. Он должен быть доставлен к президенту.

В этот самый момент за спиной секретаря раздались чьи-то шаги. Секретарь обернулся. Перед ним стоял человек с женственным лицом, с волнистыми черными волосами, падавшими на плечи, с ясным взглядом синих глаз.

— Я — профессор Сидней Гревс,— произнес он мягким, тоже женственным голосом:— дайте-ка мне этот пакет.

На листке слоновой бумаги, сложенном вчетверо, президент извинялся перед профессором Сидней Гревсом за принудительный способ аудиенции с ним и просил, во имя блага и преуспеяния республики, подчиниться его требованию.

Профессор пожал плечами:

— Что ж, придется подчиниться.

Через несколько минут автомобиль сорвался с места и понесся по направлению к вокзалу, где секретаря и профессора Сидней Гревса ожидал экстренный поезд, состоявший из двух паровозов и одного салон-вагона.

* * *

— Господин президент?

— Профессор Сидней Гревс?

— Я протестую...

— Профессор, дело идет о благе государства.

— Господин президент, мне нет никакого дела до блага государства.

— Ка-ак!

Сухая фигура президента превратилась в вопросительный знак. Золотая лопаточка-бородка запрыгала в негодовании:

— Вы сознаете, профессор... благо государства! — тонкий палец президента винтообразно буравил воздух над его лысой головой, охваченной пушистой подковой серебряной седины.

— Я никогда и ни перед кем не скрываю своих убеждений. Я принципиальный враг существующей политической и социальной системы. Я не уважаю, я ненавижу тот порядок, который вы возглавляете.

Президент в ужасе закрыл глаза и отпрянул от профессора:

— Вы большевик?

— Формально — нет, идейно — да, — коротко отсек профессор.

Президент стоял с закрытыми глазами, пораженный и подавленный заявлением профессора. Он мысленно видел: профессор сообщает свое изумительное открытие большевикам. СССР становится могущественнейшей державой в мире. Рушатся банки, соборы, тюрьмы, расползаются армии, гибнет флот, сокрушена религия, семья, советы возникают во всем мире. Президент чувствовал веревку на своей тонкой шее. Президент задыхался.

Золото! Золото! Самая мощная сила на земном шаре. Власть, армия, флот, закон стоят на золотом подножьи. Золото командует армиями, диктует законы, проповедует в церквях. Золото! Золото!

— Вы намерены сообщить свое открытие Коминтерну? Мы не допустим. Вы сядете на электрический стул прежде, чем...

На женственном лице профессора мелькнула странная улыбка.

— Я не боюсь вас, — тихо произнес профессор: — и не из страха, а из убеждения и уверенности, что ваша система лопнет от золотого полнокровия, я решил вам отдать монополию на мое открытие. Я не привык таить своих мыслей: я работал над этим открытием пятнадцать лет для того, чтобы, добившись успеха, сделать смертельную прививку вашему строю золотым ядом, господин президент.

— Ха-ха-ха! Гении бывают в практической жизни круглыми идиотами. Профессор Сидней Гревс — идиот. Прививайте, мистер, прививайте нам ваш яд. Ха-ха-ха!

Черные глаза президента брызгали смехом. Вся его сухая фигура колебалась от смеха. Но вдруг он спохватился. Разумеется, он продувная шельма, этот Сидней Гревс. Он произнес коммунистическую тираду для того, чтобы содрать за свое открытие жирный куш. Ну, что ж, это в порядке вещей, тем более, что... ха-ха-ха! Ведь золото за свои услуги он будет делать сам.

— Ваши условия? — спросил президент.

— Мне ничего не надо. Ни одного цента.

— Может быть, вам нужны какие-нибудь правительственные полномочия, власть?

— Ни-че-го! Мне больше всего нужны марганец и ртуть.

— Марганец? Ртуть?

— Да, беспрерывная, бесперебойная доставка ртути и марганца. Тысячами, сотнями тысяч тонн.

Прочие химические продукты имеются под рукою, по марганец и ртуть, господин президент.

— О!— воскликнул в тон профессору президент:— Мы обеспечим вам ртуть и марганец. Но, может быть, вы любите, кроме ртути и марганца, почет, славу?

— Ни в коем случае,— с живостью воскликнул профессор:— совсем наоборот. Завтра же во всех газетах должно быть напечатано, что слухи о моем открытии — утка. В самой крупной и влиятельной газете должен быть помещен фельетон, высмеивающий меня, как чудака и сумасброда. И еще: десять известнейших ученых С.-А. С. Ш. должны подписать исследование, опровергающее на основании научных данных мое открытие. Десять авторитетнейших ученых!

Чуть уловимая презрительная ирония прозвучала в этих последних словах Сидней Гревса.

— Они сделают это,— уверенно сказал президент.

* * *

Второй разговор происходил на другое утро, 15 сентября, на даче профессора Сидней Гревса. Неуловимый Эдвар Хорн, коммунист, преследуемый как волк полицейскими ищейками, но неожиданно появившийся в разных концах федерации, везде волновавший, везде воспалявший рабочих, в 10 часов утра оказался в парке, окружавшем дачи профессора. Через мистрисс Гревс, делавшую свою обычную утреннюю прогулку, он передал профессору коротенькую записку, нацарапанную карандашом на листке из блок-нота.

„Дружище Сидней! Я жду тебя в парке, у бесѣдки по важному делу. Э. Хорн“.

Они были приятелями по университету. Они пошли разными дорогами. Сидней Гревс заперся в ла-

боратории, тотчас же по окончании университета; Эдвара Хорна часто запирали в тюрьму. Крестообразный шрам через всю правую щеку, от лба до подбородка, был боевым знаком, выжженным на белом бритом лице Хорна при помощи раскаленного прута захватившими его однажды членами организации Ку-Клукс-Клан *).

* * *

— Ты должен сообщить нам свой секрет и работать на революцию, Сидней.

— Я буду работать на революцию, Эдвар, но иными способами, чем ты думаешь. Я сообщу свой секрет правительству.

— Ты отдаешь себе отчет?.. Ты дашь им неслыханную силу, Сидней. Это предательство.

Профессор покачал головой. Его синие глаза грустно смотрели на Хорна.

— Я знал, что ты это назовешь предательством. Пятнадцать лет я мучился над этим вопросом, что такое золото? Я продумал все до конца, мой друг, и пойду своим путем. Вы будете клеймить меня. Найдутся безумные головы, которые будут мечтать над планами овладения моим секретом насильственным путем. Но я до конца доведу свое дело.

— Ты никогда не сообщишь нам своего секрета?

— Я не сказал: никогда.

Дальнейшая часть разговора между друзьями велась шопотом. Никто не знает, о чем они беседовали. Известно только, что Хорн, пожимая на прощание руку профессора, сказал:

*) Американские фашисты.